

НОВО-ТРОЕВСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ

(о кыпчакском компоненте в Среднем Поволжье)

27 июня 1988 г. при проведении земляных работ в 2,5 км к востоку от с.Ново-Троевка Алексеевского района Самарской области на террасе у Горелого оврага, заполненного водой, при снятии грунта на глубине 1,5 м от поверхности скреперистами СПМК областного управления мелиорации В.А.Мурзаевым и Ю.А.Кияткиным было обнаружено погребение. Со слов находчиков, сразу же сообщивших о нем в Самарский (тогда Куйбышевский) областной историко-краеведческий музей, картина погребения восстанавливается следующим образом. Погребенный, ориентированный головой на запад, располагался вытянуто на спине, руки были вытянуты вдоль туловища. К сожалению, антропологический материал не сохранился. В погребении были встречены украшения: две серьги из желтого металла (мы условно будем называть их золотыми), бусы и лазуриновые подвески. Одна серьга находилась около черепа, вторая - возле туловища, украшения из лазурита собраны в разных местах (даже вне погребения, которое сильно пострадало от ножа скрепера).

На другой день после находки местность была обследована Р.М.Ключниковой. В связи с тем, что место находки представляло собой уже глиняное поле, никаких следов кургана и погребений обнаружено не было. В течение 3 дней продолжалось наблюдение за работой скреперов на прилегающем участке, но археологические памятники больше не выявлены. Необходимо отметить, что в этот момент окружающее более высокое пространство было засеяно и оплывшие насыпи курганов, если они и имелись, не зафиксированы.

Из погребения происходят следующие предметы:

1. Две золотые серьги (рис.4, 1-2). Серьги состоят из толстого круглого в сечении проволочного кольца, вероятно, литого (в средней части кольца с внутренней стороны прослеживаются следы литейного шва) и надетой на него поллой бипирамидальной пронизки-бусины, изготовленной из тонкого листового металла и состоящей из двух половинок. С кольцом пронизки соединены способом пайки. По краям и в средней части пронизки украшены напаянной сканной проволокой, возможно, имитирующей зернь. Проволока сильно потерта. Пронизки частично повреждены. На кольце одной серьги имеются две насечки. Серьги имеют следующие размеры: ширина кольца 43,9 и 43,5 мм, высота кольца 48,1 и 49 мм, диаметр напускной

пронизки 21,4 и 20 мм, сечения проволоки 4,3 и 4,6 мм соответственно.

В августе 1988 г. ст. экспертом ЭКО УВД И.В.Рубиным было сделано заключение о химическом составе серег из желтого металла. Украшения изготовлены из сплава, в состав которого входили:

золото - 30 %

серебро - 30 %

медь - 30 %. Остальные 10 % приходятся на различные примеси.

2. 5 лазуритовых привесок-амулетов (рис.4, 3-7). Все привески размером 28-39 x 20-32 мм однотипны, имеют подтреугольную или ромбическую форму и украшены с обеих сторон орнаментом в виде чередующихся косых насечек.

3. Сердоликовая 12-гранная бусина, с нечеткими гранями (рис.4, 9). Длина бусины 16 мм, ширина 8 мм.

4. Стеклянная зеленоватая уплощенная бусина (рис.4, 8). Длина бусины 22 мм, ширина 10 мм, высота 4 мм.

Датировка и этнокультурная принадлежность памятника

Для решения вопросов датировки и этнокультурной принадлежности памятника прежде всего попытаемся найти аналогии встреченным в нем предметам.

1. Золотые серьги. В том, что это серьги, а не височные подвески, как это можно было бы предполагать, исходя из их массивности, мы можем убедиться, сопоставив наши находки с изображениями на каменных половецких изваяниях. На них отчетливо видно, что подобные серьги продеты в мочки ушей (рис.3; Плетнева С.А., 1958, рис.33,35,36). Точные аналогии этим украшениям нам известны только в кочевнических памятниках южнорусских степей. Многочисленные золотые височные кольца, в том числе и с напускными бусинами, встречены в кочевническом могильнике Белой Вежи X-XI вв. (Артамонов М.И., 1958, с.81). Интересно отметить, что несмотря на несомненно высокий профессионализм мастера, изготовившего эти украшения, серьги данного типа не встречены ни на памятниках Волжской Болгарии (имеющиеся там серьги, несмотря на кажущуюся близость, относятся к иному типу), ни на памятниках Киевской Руси. Это дает основание высказать предположение о том, что данные украшения изготавливались не только специально для кочевников, но и, вполне вероятно, самими кочевниками.

2. Лазуритовые подвески являются своеобразным индикатором

тором принадлежности погребальных комплексов к кыпчако-половецкому кругу памятников. В эпоху средневековья лазурит добывался в основном в Бадахшане и в меньшей степени в Армении. Кроме того, залежи лазурита имеются в горных районах Бухары, около Самарканда и Ташкента, в горном Таджикистане. Уже в новое время открыты месторождения на Байкале и на Памире (Ферсман А.Е., 1974, с. 88-92), но по мнению М.Д.Полубояриновой, они могли использоваться и раньше, особенно Байкальское (Полубояринова М.Д., 1991, с.12, 106). В таком случае именно с Байкала они могли быть принесены кыпчако-половецким населением в южно-русские степи и Поволжье.

Лазурит, добывавшийся в Бадахшане начиная с IV тыс. до н.э., всегда был очень редким камнем. И сейчас в Бадахшане, в верховьях притока Амударьи, на высоте 4000 м добывают всего 2-4 т лазурита в год (Здорик Т.Б., 1979, с.118). В Афганистане камень считался священным и принадлежал одному эмиру, приближение к лазуритовым копиям каралось смертной казнью, а сами горняки приковывались к цепи на всю жизнь (Ферсман А.Е., 1974, с.91). Китайские мандарины сделали лазурит эмблемой и приказывалишивать его бусинки на свои замысловатые головные уборы (Конаровский М.А., 1979, с.32). Если учитывать сложность добычи и транспортировки камня, а также то, что лазурит добывался небольшими партиями, чтобы не снижать цену, то не покажется удивительным, что попадающий в средневековую Европу, в том числе и на Русь, этот камень ценился очень высоко и продавался по цене золота.

В связи с тем, что лазурит обладает сравнительно высокой для резного камня твердостью - около 5-5,5 по шкале Мооса, обрабатывать его, пожалуй, мог только опытный мастер. Наличие таких мастеров мы вправе предполагать в половецкой среде.

Лазуритовые украшения, подобные нашим, встречены на кочевническом могильнике Белой Вежи X-XI вв. (Артамонов М.И., 1958, рис.60), в кургане 5 могильника Кайнсай в Южном Зауралье (Боталов С., Костюков В., 1993, рис.2,3). Т.И.Макаровой, наиболее полно рассмотревшей эти украшения, они датируются X-XI вв. (Макарова Т.И., 1962). Однако полученные после выхода статьи Т.И.Макаровой новые материалы и повторное обращение к старым комплексам позволяют предположить, что подобные украшения бытовали как минимум в течение всего XII в.

Следует учесть, что за пределами границ половецких кочевий такие лазуритовые привески неоднократно встречены на

памятниках Волжской Болгарии - в Болгарах (Полубояринова М.Д., 1991, с.65, рис.5,1-2) и Биляре (Хузин Ф.Ш., 1995, с.55, рис.19, 41-42, 44). Крайне интересен факт обнаружения одной такой подвески на Селитренном городище (Полубояринова М.Д., 1991, рис.5,3), а также среди материалов XIV в. из Маджар (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.76), свидетельствующий о пережиточном бытовании этих традиционных украшений в золотоордынское время.

Из приведенного круга аналогий несколько выпадает находка подобной подвески из погребения 3 могильника у с.Агач-Кала X-XI вв. на Северном Кавказе. Это единственный известный нам факт, когда украшение данного типа изготовлено не из лазурита, а из другого материала, в данном случае из сердолика (Марковин В.И., 1965, рис.1,9). Возможно, что оно изготавливалось по заказу по конкретному образцу из имеющегося у мастера материала, а не из чрезвычайно редкого в Европе лазурита.

Кроме того, необходимо отметить, что традиция этих украшений, на наш взгляд, была продолжена в сердцевидных лазуритовых неорнаментированных подвесках, которые встречаются на памятниках домонгольской Волжской Болгарии (V Старо-Куйбышевское селище (Казаков Е.П., 1984, с.50, рис.10,9), Болгары (Полубояринова М.Д., 1991, рис.5,4), Старо-Алейкинское городище, Сувар).

3. Сердоликовые и стеклянные бусины, подобные нашим являются частой находкой на памятниках X-XII вв. Вместе с лазуритовыми подвесками подобные сердоликовые бусины встречены на кочевническом могильнике Белой Вежи X-XI вв. (Артамонов М.И., 1958, рис.60).

Приведенные аналогии, на наш взгляд, позволяют утверждать, что Ново-Троевское погребение, несомненно, женское, оставлено населением, в XI-XII вв. входившем в кыпчакский племенной союз. Тот факт, что погребение, вероятно, было одиночным и не имело видимых наземных признаков, на наш взгляд, свидетельствует о том, что данная территория рассматривалась кочевниками как пограничная и не входила в зону их основных кочевых маршрутов.

Это подтверждается и тем, что несмотря на многолетние археологические исследования в степных районах Самарского Заволжья, где не имеется поселений эпохи средневековья, до настоящего времени известно всего 3 погребения (Александровское, Кировское, Покровское), достаточно уверенно датированных домонгольским временем. Они не столь богаты, как Ново-Троицкое, и все относятся к печенежско-половецкому кру-

гу памятников (Васильева И.Н., 1979, с.216-220).

Особый интерес Ново-Троевского комплекса заключается не только в том, что это одно из самых северных погребений кыпчако-половецкого круга. Расположенное у южной границы Волжской Болгарии, на территории, где крайне редки археологические памятники этого времени, оно позволяет еще раз обратиться к проблеме взаимоотношений представителей кочевого мира и оседлого населения.

О том, что половцы неоднократно бывали в Поволжском регионе, известно из многочисленных свидетельств русских летописцев.

Первое упоминание о половцах в русских летописях относится к 1055 г., когда половцы впервые подошли к юго-восточной границе Руси: "Приходи Блуш с половци и сотвори Всеволод мир с ними и возвратишася восвоися" (Плетнева С.А., 1990, с.25), а уже с 1060 г. половцы совершали регулярные набеги на Русь (Плетнева С.А., 1990, с.41). Видимо, именно в это время половцы впервые появились и у границ Волжской Болгарии.

На болгар половцы также совершали военные набеги. Под 1117 годом Ипатьевская летопись сообщает: "приидоша Половци к Болгаром, и высла им князь Болгарьский пити с отравою и пив Аепа и прочии князи вси помроша..." (Смирнов А.П., 1951, с.44).

В этих набегах могли участвовать как половцы, чьи кочевья изначально располагались в Поволжье, так и половцы, которых Мстислав Владимирович, умерший в 1132 г., по словам летописца, из южно-русских степей загнал "за Дон, за Волгу, за Яик" (Плетнева С.А., 1990, с.66).

Кроме того, половцы участвовали и в военных походах на Волжскую Болгарию, организованных русскими князьями. Так, в Лаврентьевской летописи под 1183 (1186) г. приводится рассказ о походе князя Всеволода Большое Гнездо на Великий город. В этом походе на стороне русских участвовали и "Половец Емякове", которых привел один из болгарских князей (Измайлов И.Р., 1984, с.99; Смирнов А.П., 1951, с.39,45). И.Р. Измайлов считает, что "половцы Емякове" - искаженное написание этнонима "йемеки" (йемак, кимак), одного из главных племен Кимакского каганата, кочевья которого находились в районе Заволжья (Измайлов И.Р., 1984, с.103). Стоит обратить внимание на то, что половцы пришли не с русскими, а именно с болгарами. Неудивительно, что в Волжской Болгарии, так же, как и в Киевской Руси, во время междоусобной борьбы использовался высокий военный потенциал половцев.

Последний известный русско-половецкий поход на Волжскую Болгарию относится к 1220 г., когда Владимиро-Суздальские отряды совместно с половцами захватили и сожгли дотла город Ошель, перебили всех мужчин, а женщин и детей увели с собой (Г.С.Сабирзянов, 1995, с.45).

Конечно, как и в Киевской Руси, в Поволжье XI-XIII вв. вряд ли все сводилось к военному противостоянию. Никто и не пытается представить кыпчаков-половцев только как кровожадных захватчиков. Необходимо учитывать неизбежность болгаро-кыпчакских торговых и политических контактов. Возможно, именно в пользу этого говорит находка 5 (!) лазуритовых привесок на территории Билярского городища - крупнейшего торгово-ремесленного и политического центра Волжской Болгарии. Учитывая, что такие подвески носили только кыпчаки или родственные им народы, мы можем уверенно говорить о проживании какой-то группы кыпчаков с этом столичном центре. Дополнительным аргументом в пользу этого предположения является появление в Биляре с середины XI в. еще немногочисленной керамики XXI этнокультурной группы, выделенной Н.А.Кокориной. Прототипы этой посуды Н.А.Кокорина видит на поселениях кыпчаков Центрального и Южного Казахстана и Хорезма (Кокорина Н.А., 1993, с.57). В данном случае для нас не столь важно, чем занимались люди, носившие лазуритовые украшения и пользовавшиеся подобной керамикой - торговлей, ремеслом или же политической деятельностью. Важно археологическое подтверждение того положения, которое уже давно разрабатывается историками и лингвистами - теории о кыпчакско-булгарском происхождении татар Среднего Поволжья и Приуралья (Фахрутдинов Р.Г., 1984, с.172-178). Именно широкие болгаро-кыпчакские контакты еще в домонгольское время объясняют отчасти и события, произошедшие в Среднем Поволжье в XIII в., в период монгольского нашествия - и совместное участие болгар и половцев в боевых действиях против монгольской армии, и проживание в дальнейшем на одной территории в составе единого государства.

Литература:

Артамонов М.И., 1958. Саркел-Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том 1. МИА №62. М-Л.

Боталов С., Костюков В., 1993. Кыпчакские погребения XI-XII вв. в Южном Зауралье // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.

Васильева И.Н., 1979. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя исто-

рия Поволжья. Куйбышев.

Здорик Т.Б., 1979. Приоткрой малахитовую шкатулку. М.

Измайлов И.Л., 1984. Поход русских князей на Великий город в 1183 г. и некоторые вопросы тактики обороны волжских булгар // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань.

Казаков Е.П., 1984. V Старо-Куйбышевское селище // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань.

Кокорина Н.А., 1993. Керамика Биляра и Иски Казани (К вопросу о преемственности болгарской и болгаро-татарской культуры) // Культура, искусство татарского народа: истоки, традиции, взаимосвязи. Казань.

Конаровский М.А., 1979. Страна гор и легенд (очерки об Афганистане). М.

Макарова Т.И., 1962. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X-XI вв. // Славянские древности. АСГЭ. Вып.4. Л.

Марковин В.И., 1965. Сердолик - камень счастья // МИА № 130. Новое в советской археологии. М.

Плетнева С.А., 1958. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // МИА №62. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том 1. М-Л.

Плетнева С.А., 1990. Половцы. М.

Полубояринова М.Д., 1991. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.

Сабирзянов Г.С., 1995. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала в панораме веков (Синхронистические очерки по истории этнокультурного и политического взаимодействия с начала новой эры до второй половины XVI в.). Казань.

Смирнов А.П., 1951. Волжские булгары. Труды ГИМ. Вып. XIX. М.

Хузин Ф.Ш., 1995. Великий город на Черемшане. Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра-Булгара. Казань.

Фахрутдинов Р.Г., 1984. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Ферсман А.Е., 1974. Воспоминания о камне. М.

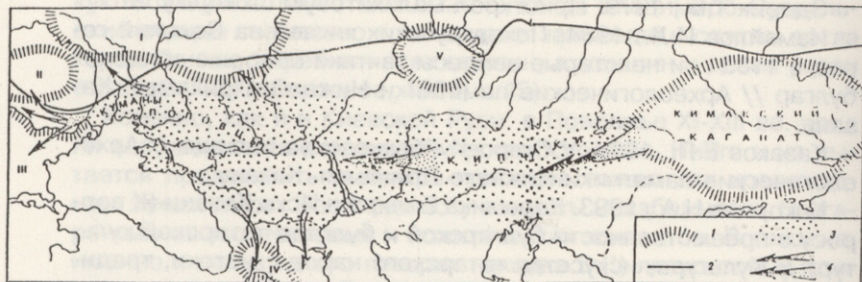

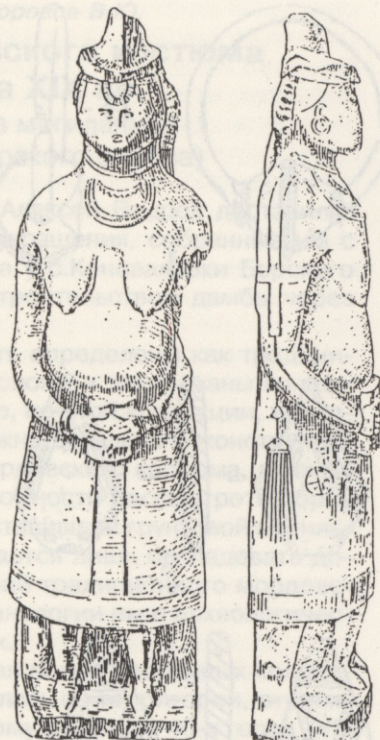
Рис.1. Схема расположения в степях кимаков, кыпчаков, половцев, куманов.
 Условные обозначения:
 I – Русь; II – Венгрия; III – Болгария; IV – Грузия; V – Волжская Болгария;
 1–2 – северная граница степей; 3 – кочевнические общности; 4 – основные направления кочевнической экспансии в конце X – начале XIII в.
 (рис. по Плетнева С.А. Половцы. М., 1990. С.34-35)

Рис.2. Распространение находок из лазурита.
 1 – Бадахшанское месторождение; 2 – урочище Басандайка на р.Томи; 3 – кочевнические погребения Прикаспия; 4 – Саркел–Белая Вежа; 5 – кочевнические курганы Харьковской обл.; 6 – кочевнические курганы Приазовья; 7 – кочевнические курганы Днепропетровской обл.; 8 – кочевнические курганы Киевской обл.; 9 – Биляр; 10 – Болгары; 11 – Ново-Троевское погребение; 12 – Селитренное городище; 13 – могильник Кайнсай.
 Условные обозначения: I- массовые находки поделок из лазурита; II - единичные находки; III- месторождение лазурита
 (рис. по Макарова Т.И. Украшения и амулеты из лазурита ..., рис.1 с добавлениями авторов)

Каменная статуя № 34.

Каменная статуя № 35.

Каменная статуя № 36.

Рис.3. Половецкие каменные статуи

(рис. по Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // МИА № 62. Рис.33 35-36)

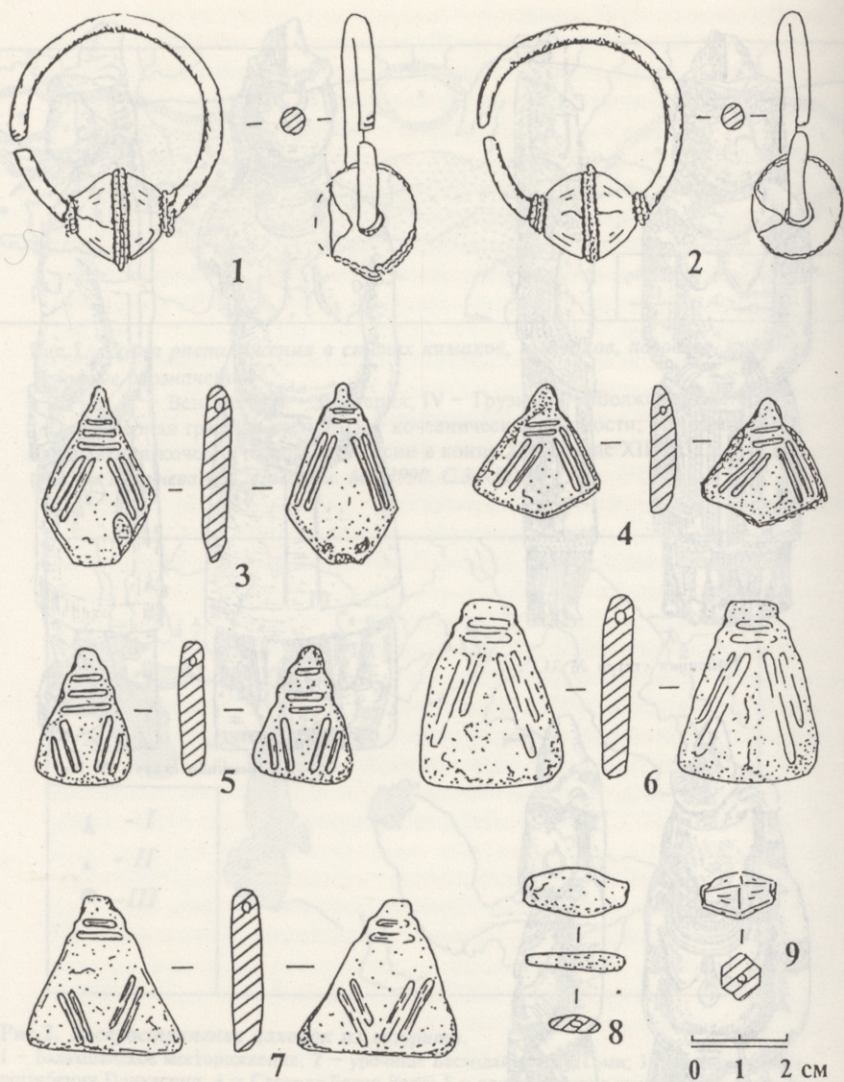

Рис.4. Инвентарь Ново-Троевского погребения

1-2 — золотые серьги; 3-7 — лазуритовые подвески; 8 — стеклянная бусина; 9 — сердоликовая бусина.